

УДК 343.1

**СОВРЕМЕННОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
СОСТОЯНИЕ «ВНЕ ПРАВА» ИЛИ «С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?»**

А. В. Победкин

Московский университет МВД России

Поступила в редакцию 12 августа 2013 г.

Аннотация: приводятся некоторые аргументы в пользу мнения, что уголовный процесс современной России существует в условиях более тяжелых, чем «правовой нигилизм». Обосновывается решающая роль нравственности в преодолении этого состояния, обозначены основные диалектические противоречия, свойственные отечественному уголовному процессу.

Ключевые слова: правовой нигилизм, судебно-следственная статистика, нравственность, вне права, противоречия.

Abstract: there are some arguments in favor of the opinion that the criminal trial of modern Russia is more severe conditions than the «legal nihilism». Justifying the critical role of morality in overcoming this condition, the basic dialectical contradictions of the domestic criminal proceedings.

Key words: legal nihilism, judicial and investigative statistics, morality, out of the law, contradiction.

Корректируя Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК), законодатель пытается решить многочисленные проблемы отечественного уголовного судопроизводства.

Однако прежде чем менять уголовно-процессуальное право, необходимо объективно оценить состояние уголовного судопроизводства, определиться с реальной потребностью самого совершенствования. Только ли плохим качеством уголовно-процессуального закона порождены проблемы в уголовном процессе? Насколько серьезны эти проблемы и можно ли исправить их бесконечной корректировкой текста закона?

Изучение эмпирического материала, статистических показателей для оценки уголовного судопроизводства с точки зрения его нравственности, законности, эффективности, очевидно, недостаточно. Не будучи осмысленными во взаимосвязи с явлениями реальной действительности, на основе проверенной теории, здравого смысла «тысячеглазая гидра эмпиризма» (В. Гете) попросту поглотит исследователя.

Любая статистика рукотворна¹ (или, как отмечает В. Т. Томин, управ-

---

¹ Автор использует и развивает мысль о рукотворности любой статистики, прозвучавшую в выступлении профессора В. И. Жулева в ходе научной дискуссии на заседании диссертационного совета Д 203.019.03 при Московском университете МВД России.

ляема²), даже если она объективна. При этом В. Т. Томин ставит знак равенства между управляемостью и фальсификацией. Взаимосвязь между статистическими показателями и реальной действительностью формируется системой факторов, в число которых может входить и фальсификация. Однако управляемость статистики определяется не только ею.

Во-первых, прогнозируя потребность в статистике определенного рода, человек закладывает в нее нужные ему показатели. Статистическая информация по таким показателям не всегда пригодна для анализа обстоятельств, необходимость в оценке которых может возникнуть.

Так, существующая судебно-следственная статистика не способна создать целостное представление о состоянии законности в сфере уголовного судопроизводства. Для получения такого представления необходимы сведения о значительном количестве иных показателей, в том числе и тех, по которым собрать статистические данные объективно вряд ли возможно (количество жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство в целом по стране во всех федеральных органах, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность; доля удовлетворенных первичных и последующих жалоб, количество указаний руководителя следственного органа, прокурора, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, которые даны в связи с допущенными нарушениями в ходе уголовного судопроизводства; количество доказательств, признанных недопустимыми всеми компетентными должностными лицами; количество повторно проведенных по причине допущенных нарушений следственных и иных процессуальных действий и т.д.).

Однако и эти данные не позволили бы оценить состояние законности в сфере уголовного судопроизводства с высокой степенью объективности. Известно, что значительная доля нарушений, будучи выявленной, устраняется в «рабочем порядке», без соответствующей фиксации или с фиксацией в нормативно непредусмотренных и не учитываемых в статистике документах (например, «информация» прокурора руководителю следственного органа). На многие нарушения попросту «закрывают глаза».

Во-вторых, оцениваемые показатели в ряде случаев не могут формулироваться абсолютно объективно, в них неизбежно проявляются субъективные представления тех, кто создает статистическую методику. Так, количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях за год неизбежно возросло после того, как погибшим в дорожно-транспортном происшествии стало считаться лицо, погибшее на месте дорожно-транспортного происшествия либо умершее от его последствий в течение 30 последующих суток, а не 7 суток, как считалось ранее³. Соответственно

---

² См.: Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции : лекция-монография // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 40.

³ См.: О внесении изменений в Правила учета дорожно-транспортных происшествий : постановление Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2008 г. № 859 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 48. Ст. 5609.

статистические показатели смертности на дорогах страны можно «улучшить», если сократить срок, в течение которого умерший считается погибшим в дорожно-транспортном происшествии.

В-третьих, статистические данные по заданным показателям направленно формируются, поскольку основным критерием оценки эффективности труда руководителей различного ранга остается динамика статистических показателей.

В-четвертых, объективный подсчет по большинству показателей в федеральном масштабе невозможен по субъективным причинам, которые не могут быть искоренены: арифметические ошибки, безответственность, различное понимание данных, подлежащих учету по показателю и т.д.

В связи с этим без абстрактного мышления не обойтись даже при наличии относительно полной и объективной статистики.

Отсюда и оценка общего уровня законности в уголовном судопроизводстве с точки зрения определения его как удовлетворительного или неудовлетворительного, характеризующегося правовым нигилизмом либо и вовсе состоянием «вне права»⁴ на основе изучения исключительно статистических показателей не может быть объективной.

Вместе с тем некоторые статистические показатели и с этой точки зрения могут быть интересными и полезными.

Прежде всего, согласно официальной статистике⁵ количество совершаемых преступлений в стране ежегодно сокращается. В 2012 г. зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, что на 4,3 % меньше, чем в 2011 г. В 2011 г. число преступлений, нашедших отражение в статистике, на 8,5 % меньше, чем в 2010 г. В 2010 г. по сравнению с 2009 г. количество совершенных преступлений уменьшилось на 12,2 %, а в 2009 г. зарегистрировано преступлений на 6,7 % меньше, чем в 2008 г.⁶

При этом в 2012 г. зарегистрировано 26 392 871 заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях (далее – заявления о происшествиях), принято 6 412 425 решений об отказе в возбуждении уголовного дела, из них отменено с последующим возбуждением уголовного дела – 188 219. В 2011 г. зарегистрировано заявлений о происшествиях согласно офици-

⁴ Здесь автор лишь обозначает мысль о том, что правовой нигилизм как отрицание права – явление более высокого уровня, чем состояние «вне права», когда право не только отрицается либо его нормы не соблюдаются, а попросту не принимается во внимание, не учитывается даже как возможный регулятор общественных отношений. Обоснование этой мысли приводится в других работах автора.

⁵ Статистика о состоянии преступности, рассмотрении заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях приводится по данным официального сайта МВД России. URL: <http://mvd.ru>

⁶ Криминологи полагают, что количество реально совершенных преступлений значительно больше. Автор склонен согласиться с учеными, полагающими, что общее количество совершенных преступлений превышает официальный статистический показатель приблизительно в 10 раз (см.: *Ищенко Е. П.* Реформой правит криминал? М., 2013. С. 263).

альной статистике – 24 733 853, в возбуждении уголовного дела отказано в 6 142 306 случаях, отменено с последующим возбуждением уголовного дела 166 683 постановления. В 2010 г. количество зарегистрированных заявлений о происшествиях составило 23 903 997. В возбуждении уголовного дела отказано в 6 030 001 случае. Отменено с возбуждением уголовного дела 151 881 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Статистика по этим показателям в 2009 г. выглядит так: заявлений о происшествиях зарегистрировано 22 788 829. Постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено 5 640 693, отменено с возбуждением уголовного дела 146 129.

Тенденция налицо. Ежегодно регистрируется больше заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях. Растет число отказов в возбуждении уголовного дела и при этом увеличивается число случаев отмены соответствующих постановлений с последующим возбуждением уголовного дела. Однако ежегодно сокращается число зарегистрированных преступлений, т.е. согласно официальной статистике криминогенная ситуация улучшается. Это плохо укладывается в обыденные логические представления.

При этом на протяжении ряда последних лет доля постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в общем количестве рассмотренных заявлений о происшествиях колеблется у отметки 25 %. Это свидетельствует, что решения об отказе в возбуждении уголовного дела не являются основным средством снижения числа зарегистрированных преступлений.

Учитывая, что сокращение общего числа зарегистрированных преступлений происходит на фоне постоянного роста общего количества заявлений о происшествиях, велика вероятность укрытия от учета деяний, содержащих признаки именно преступления, а не иных правонарушений. В. В. Лунеев в связи с этим отмечает некоторую странность статистики: уровень учтенной преступности в России в 4–6 раз ниже, а уровень умышленных убийств в 8–10 раз выше, чем в Западной Европе, и объясняет это по-прежнему распространенными случаями укрытия от учета преступлений, не относящихся к категории тяжких⁷.

Задуматься о состоянии законности заставляет и статистика рассмотрения уголовных дел районными судами в качестве первой, апелляционной инстанции, судами уровня субъекта Российской Федерации в качестве кассационной инстанции⁸. В судах апелляционной и кассационной инстанций статус лиц, не совершавших преступления, обретают едини-

---

⁷ См.: Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 50.

⁸ Вряд ли целесообразно перегружать статью указанными статистическими показателями. Каждый желающий имеет возможность ознакомиться с ними на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Здесь имеется в виду апелляционное и кассационное производства, существовавшие до 1 января 2013 г.

цы. Учитывая всем известный, ставший «притчей во языцех» ничтожный процент оправдательных приговоров в судах первой инстанции (не более 1 % в федеральных судах и около 1,5 % у мировых судей), логика не позволяет поверить едва ли в непогрешимость органов предварительного расследования при привлечении к уголовной ответственности.

Кстати, наиболее часто оправдательные приговоры выносятся районными судами в отношении лиц, обвиняемых в мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и совершении преступлений против интересов службы в органах власти и местного самоуправления (ст. 285–293 УК РФ), в то время как эти преступления не являются самыми распространенными составами преступлений, уголовные дела о которых рассматриваются районными судами.

Несмотря на то что за исключением дел частного обвинения в 2011 г. наиболее распространенными уголовными делами, рассмотренными мировыми судьями, стали дела по обвинению в краже (22,2 %), 96,1 % (!) всех оправдательных приговоров, постановленных мировыми судьями в 2013 г. (всего 1,5 %), – приговоры именно по делам частного обвинения. Иначе говоря, обвиняемых в совершении краж практически не оправдывают. Здравый смысл не позволяет принять такую статистику.

Интересно обратиться к статистике рассмотрения жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. В 2011 г. районными судами в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК, было рассмотрено 124 400 жалоб. При этом удовлетворено только 10,9 % (в 2010 г. удовлетворено 13,1 %), хотя в сравнении с 2010 г. число жалоб увеличилось на 7,5 %. То есть число жалоб увеличивается, а доля удовлетворенных уменьшается. Интересные цифры на этом фоне приводит В. В. Лунеев. Если по данным 2000–2002 гг. число исков жертв следственных ошибок не превышало 250, то в 2007 г. только количество исполнительных листов превысило 1200⁹.

Предложенные данные можно толковать неоднозначно. Однако метафизический анализ исключительно статистических данных в любом случае не позволит получить реальное представление о явлении.

Оснований полагать, что в уголовном судопроизводстве отношение к праву лучше, чем в иных сферах жизнедеятельности государства и общества, немного. Изучение «голой» статистики неизбежно приведет к ложному выводу, что в России едва ли не идеально функционирующая система уголовной юстиции.

Вместе с тем представляется, что уголовное судопроизводство с позиции правомерного поведения сегодня должно находиться в положении еще более тяжелом, чем иные направления государственной деятельности. Прежде всего, потому, что проявления безнравственности, обуславливающей бесправие, наиболее ярки в сферах, обильных соблазнами и возможностями. Уголовный процесс именно такая сфера. Субъекты, на-

---

⁹ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. С. 53.

деленные властными возможностями, должны вести борьбу не только с противодействием, оказываемым судопроизводству, но и с собственными биологическими проявлениями, которые неизбежно вспениваются, будучи подогретыми властными возможностями, желаниями удовлетворить исключительно собственные амбиции, соблазнами улучшить свое материальное и социальное положение незаконными средствами.

Отсюда следует, что в сферу уголовного судопроизводства должны быть допущены только лица, интеллектуально развитые, обладающие исключительными нравственными качествами, высочайшим уровнем профессионализма, сильной волей и выдержкой. Разве сегодня удалось добиться такого уровня кадрового состава суда и органов предварительного расследования? Очевидно, нет.

Относительно полноценная система профессионального отбора кандидатов на должности, позволяющие осуществлять уголовно-процессуальные функции, существует лишь в некоторых государственных органах (органы внутренних дел, суды), однако и здесь находится лишь в процессе становления.

Ясно, что в обществе, в котором в целом подорвана нравственность, должностные лица в сфере уголовного судопроизводства не могут не страдать общим недугом. Формирование кадрового состава органов уголовного судопроизводства требует длительного времени, более длительного, чем выздоровление общества, выход его из состояния правового нигилизма (того хуже – состояния «вне права», ибо именно к такому состоянию весьма близка жизнь современной России), поскольку выздоравливающее общество еще должно выявить лучших своих представителей и наделить их властными уголовно-процессуальными функциями.

Исходя из изложенного, полагаем, что при оценке отношения к праву в уголовном судопроизводстве, необходимо исходить из того, что оно еще более нигилистично (отношение, свойственное состоянию «вне права»), чем в нездоровом обществе в целом.

Преодоление состояния «вне права» в уголовном процессе требует от государства, осознавшего гибельность такого состояния, в том числе и для самого государства, решительной реализации системных мероприятий по ряду основных направлений. Обозначим их.

Сегодня проблемы нравственности уголовного судопроизводства выходят на первое место не только по причине, сформулированной А. Ф. Кони: «...нравственным началам ...принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса. Формы судопроизводства теперь повсюду более или менее прочно установились. ...Законодательство под влиянием временных ослеплений может, конечно, отступать назад и возвращаться к устарелым и отжившим учреждениям, но на коренные начала правосудия – гласность, устность, непосредственность и свободную оценку доказательств – серьезно посягнуть не решится. Эти приобретения человечества куплены слишком

дорогой ценой многовековых страданий и заблуждений, чтобы с ними можно было легко и надолго расстаться»¹⁰.

Жизнь России последних десятилетий показала, что от форм судопроизводства, «купленных» ценой многовековых страданий, отказаться достаточно легко. Вместо того чтобы, став на человеческие, а не биологические позиции в уголовном процессе, совершенствовать большей частью нравственные начала судопроизводства, вновь необходимо доказывать, что уголовный процесс не «лавошная сделка», а средство защиты общественных интересов, признание обвиняемым своей вины – не «царица доказательств»¹¹, непосредственность исследования доказательств в суде – единственно возможный путь формирования внутреннего убеждения судьи, а стремление к истине – отнюдь не противоречит состязательности. Однако именно сейчас обращение к нравственным основам судопроизводства не просто своевременно, но и крайне необходимо.

Как и в целом на право (что отмечалось выше) на уголовное судопроизводство мораль влияет не только двумя традиционно признаваемыми путями: обеспечивая нравственность закона и непосредственно регулируя поведение участников процесса в прямо неурегулированных ситуациях. Это слишком узкое понимание роли нравственных начал в уголовном судопроизводстве. Они, прежде всего, определяют саму возможность нравственности закона и его реализации. Чтобы моральные нормы оказались облеченными в правовые, т.е. стали содержанием норм права, должны существовать необходимые условия. К таким условиям относятся, прежде всего, достаточный уровень нравственности общества и, во-вторых, социальное понимание необходимости проведения в законе нравственных начал. Только после этого мораль потенциально может «пронизать» нормы уголовно-процессуального права. Однако неуклонное и правильное применение гипотетически нравственных уголовно-процессуальных норм, а нередко и вообще их применение, определяют осознанием нравственности именно правомерного поведения, включая правоприменение.

Главная проблема правоприменения, – пишет В. Д. Зорькин, и с ним нельзя не согласиться, – не технологическая, а идеологическая и культурная¹². Аморальные группы не способны создать пронизанную высоконравственными ценностями нормативную базу, а если она и существует, то для безнравственного правоприменителя не имеет никакого значения. О. П. Сауляк, рассуждая о гарантиях законности и правопорядка,

---

¹⁰ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Уголовный процесс : нравственные начала. Изд. 3-е. М., 2008. С. 5–6.

¹¹ Никаких сомнений не вызывает, что признание обвиняемым своей вины де-факто по подавляющему большинству уголовных дел – наиболее весомое доказательство, «царица доказательств» (см., например: Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. М., 2012. С. 9).

¹² См.: Зорькин В. Право эпохи модернизма // Рос. газ. 2010. 25 июня.

правильно отмечает, что нельзя не принимать во внимание субъективный фактор и приводит точные слова П. А. Сорокина: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из... бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создает и более совершенные формы общежития»¹³.

«Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?», – риторически вопрошал Гораций. «Не показывайте мне кодекс – покажите мне судью», – изумительно точное определение Роем Коном основного фактора качества судопроизводства.

Итак, в уголовном судопроизводстве мораль – первооснова, структура. В самом общем виде она работает следующим образом. Первый этап – достаточный нравственный уровень общества, а значит, и его представителей, призванных осуществлять законотворческую деятельность. Этот этап предопределяет возможность принятия нравственного, справедливого закона, который будет уважать правоприменитель. Второй этап – облечение нравственного содержания в правовые нормы. Третий этап – осознание неукоснительного соблюдения закона как единственно нравственного поведения. Четвертый этап – применение норм права, при необходимости используя прием толкования (включая аналогию), с опорой на нравственный смысл закона. Пятый этап – прямое обращение к нравственным нормам в случаях наличия пробела в праве.

Отсюда следует, что все иные факторы, определяющие состояние уголовного судопроизводства и его отношение к праву, предопределены нравственными сбоями на одном из этапов.

Утрата отношения к нравственности как к ценности, легальная и нелегальная коммерциализация образования еще длительное время не позволят сформировать реально эффективную систему подготовки кадров, призванных осуществлять уголовное судопроизводство.

Утеря авторитета права, науки в глазах законодателя, а затем и правоприменителя повлекла сомнительное с точки зрения соответствия нормам уголовно-процессуального права увлечение должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, «нетрадиционными», близкими к оккультным, однако модными методами установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

О. Я. Баев в связи с этим справедливо опасается, что законодательно закрепленное положение о свободе следователя при выборе тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ) может быть воспринято на практике как своеобразная индульгенция для применения следователем тактических приемов, не соответствующих критериям их допустимости либо весьма

---

¹³ Сауляк О. П. Гарантии законности и правопорядка – реальность или миф? // Правоведение. 2009. № 6 (287). С. 81–82.

спорных с точки зрения таких критериев: использование при допросе музыки, запахов, биоритмов, гипнотического состояния, сновидений допрашиваемого и даже допрос с применением наркоанализа¹⁴. Такие опасения далеко не беспочвенны. Достаточно обратить внимание на настойчивые попытки внедрения в отечественное уголовное судопроизводство полиграфа под respectable вывеской психофизиологической экспертизы, возможности которого нередко апологетизируются¹⁵, невзирая на неоднозначный международный опыт, игнорируя непреодолимый аргумент об отсутствии относимости реакций организма в ходе исследования на полиграфе к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Однако полиграф – это просто и удобно. Своеобразная кнопка, на которую хочется нажать и избежать трудоемкого процесса доказывания. «Если по этому пути идти за поиском истины, то и облаивание собакой станет доказательством»¹⁶.

Очевидно, что общество с ослабленной нравственностью и сомнительным уровнем образования не способно адекватно оценивать роль права, в частности уголовно-процессуальной формы – величайшего завоевания человечества. Вопросы процессуальной формы если и исследуются в современной уголовно-процессуальной литературе, то в подавляющем большинстве с точки зрения необходимости упрощения предусмотренного УПК порядка. Этот магистральный путь избрал для себя и законодатель.

Неуважительное отношение к процессуальной форме неизбежно привело к «топорной» работе с устанавливающим ее законом. Уголовно-процессуальный закон из тончайшего хирургического инструмента, которым должен являться, превратился в пилу с погнутыми и сломанными зубьями.

Легковесное отношение к действующей процессуальной форме просматривается в многочисленных авторитетных комментариях решений присяжных заседателей, института сложного и неоднозначного. Почти правилом стали заявления даже известных юристов об оправдании виновных присяжными заседателями¹⁷. Рискованные для юриста заявления. Если бы виновность подсудимых определялась по очевидности для сторонних наблюдателей, суды были бы и не нужны. Виновность должна быть очевидной для суда по результатам использования всех необходимых процессуальных гарантий, и только в этом случае человек может быть признан виновным и считаться таковым после вступления в закон-

---

¹⁴ О. Я. Баев приводит примеры совершенно серьезных предложений использования в криминалистике наркоанализа (получение информации от лица, введенного в наркотическое состояние), музыкотерапии, экстрасенсорики (см.: *Баев О. Я.* Уголовно-процессуальное исследование преступлений : система и ее качество. М., 2007. С. 59).

¹⁵ См.: *Штыров В.* Полиграфные экспертизы // *Законность.* 2007. № 9.

¹⁶ *Бозров В. М.* Истина в уголовном процессе : *proetcontra* // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2012. № 4(5). С. 37.

¹⁷ См.: *Право сильного* // Рос. газ. 2010. 3 июля.

ную силу обвинительного приговора. Оправданный – невиновный, и это данность, которую субъективно можно не принимать, но которой каждый обязан руководствоваться.

Яркий пример уважения к процессуальной форме – уголовное дело об убийстве премьер-министра Швеции Улофа Пальме. Как известно, премьер-министр Швеции был убит 28 февраля 1986 г. в центре Стокгольма, когда возвращался с женой из кинотеатра. По подозрению в убийстве был арестован наркоман с криминальным прошлым Петтерсон, опознанный вдовой У. Пальме. Суд первой инстанции приговорил Петтерсона к пожизненному лишению свободы. Однако судом апелляционной инстанции была выявлена процедурная ошибка при опознании, а Петтерсон оправдан, несмотря на убежденность в его виновности вдовы Пальме.

Так много ли нужно изучить статистических данных, чтобы сделать вывод, что в настоящее время уголовный процесс России находится в состоянии «вне права».

Несколько десятилетий назад осуждение в обществе считалось большим несчастьем, сравнимым с тяжелой болезнью, окончательно уродующей судьбу. Возможность привлечения к уголовной ответственности, несомненно, являлась мощным средством, сдерживающим преступность. При этом от совершения преступлений удерживала не столько суровость наказания, сколько сам факт судимости. Как отмечалось выше, последняя треть XX в. в СССР характеризовалась приемлемым, хотя, как оказалось, и непрочным, уровнем нравственности. Поэтому получить судимость считалось, прежде всего, стыдно. Само понятие «уголовник» (осужденный за преступление) рассматривалось как клеймо позора.

Известная ленинская идея о приоритете в профилактике преступности неотвратимости наказания перед его суровостью, несомненно, справедлива, однако только в обществе с достаточным нравственным развитием. В таком обществе страшен сам факт привлечения к ответственности, после которого человек падает на низшую ступень в системе социальной стратификации независимо от должности, материального положения и социальных связей.

Необходимо отметить, что возможный факт судимости, являясь решающим фактором в сдерживании преступного поведения, к которому люди как биологические существа по природе склонны, не исключал превентивного воздействия суровости наказания и в относительно нравственном обществе.

Биологическое в человеке не скоро будет полностью контролироваться нравственностью. Отсюда и суровость наказания для людей, поведение которых определяет, прежде всего, биологическая составляющая, фактически выступает единственным серьезным стимулом к правомерному поведению. В этом случае от совершения преступлений удерживает инстинкт самосохранения.

В обществе же с разрушенной нравственностью суровость наказания выступает решающим фактором обеспечения правомерного поведения.

В постперестроечное время в России общество перестало опасаться привлечения к уголовной ответственности, не сопровождающегося серьезным наказанием. Осуждение перестало рассматриваться как синоним позора.

После признания основной ценностью де-факто материальных благ стало ясно, что честный труд не способен обеспечить уровень благосостояния, которым могли похвастаться участники преступных сообществ, не скрывающие своей принадлежности к преступным формированиям. Более того, они выступали в обществе как параллельная, если не основная, власть. К ним обращались за помощью, боялись, уважали, иногда восхищались. Лидеры преступных формирований достигли славы звезд шоу-бизнеса, стали предметом почти позитивного обсуждения телевидения, прессы как при жизни, так и после смерти. К сожалению, и сегодня такое отношение к преступникам еще не изжито. Достаточно вспомнить информационные кампании по поводу смерти и похорон целого ряда преступных авторитетов, особенно на фоне почти не замечаемого СМИ ухода из жизни настоящих героев: космонавтов, полицейских, военнослужащих, известных ученых, писателей, спортсменов и др.

Некоторые из числа ранее судимых проникли в руководящие структуры, мимикрировали в элиту.

Очевидно, что для некоторых судимость – не только не стала тянущим ко дну камнем, а, напротив, выступила как пропуск в счастливую жизнь. Оказалось, что к успеху ведет не упорный труд, многолетняя учеба, а деньги и бесстыдство.

Для большинства населения страны конец прошлого века – время разрушения идеалов, жизненных целей, надежд и чаяний. Огромный пласт законопослушных людей столкнулся с выбором: умереть с голоду (известно, что люди годами не получали зарплату на предприятиях, многие месяцы не платили даже некоторым категориям сотрудников милиции) или пуститься в авантюры пусть и с некоторым криминальным душком. Кто оказался не способен к последнему, нередко просто погибал. Уголовное право перестало эффективно выполнять охранительную функцию.

Несомненно, должностные лица, ответственные за уголовное судопроизводство, как и все остальные, оказались втянутыми в хаос. Социальная значимость профессии рухнула. Качественная уголовно-процессуальная деятельность оказалась невостребованной. Закон нарушали и умышленно, чтобы выжить, и неосторожно (как легкомысленно, так и небрежно).

Поскольку уголовная юстиция должна работать, вал привлечения к уголовной ответственности не снижался. Однако ясно, что в повальном правовом беспределе к уголовной ответственности привлекалась лишь малая часть из числа нарушивших уголовный закон.

Факт осуждения стал отождествляться с невезением: закон нарушают повсеместно, многие, совершая мелкие преступления, а привлеченным

к ответственности – попросту не повезло. Именно так стало оцениваться подавляющее большинство случаев уголовного преследования¹⁸.

Сегодня в системе должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, фактически сменилось поколение. Представители поколения 70–80-х гг. минувшего века на должностях судей, прокуроров, следователей, дознавателей практически полностью вытеснены поколением, воспитанным в 90-е гг. Это поколение в целом не умеет относиться к закону как к святыне, прежде всего, потому, что воспитывались на иных примерах.

Именно в это время государство берет курс на преодоление существования «вне права». Вводятся жесткие антикоррупционные меры, ограничения служебных и иных социальных возможностей для ранее осужденных и их близких родственников. Привлечение к уголовной ответственности для многих неожиданно вновь стало серьезным препятствием на пути к успеху.

Теперь «невезение» в форме привлечения к уголовной ответственности – «крест» на счастливой жизни привлеченного и его близких. Однако система уголовного судопроизводства, движимая поколением, не имевшим возможности познать ценность права, работает и еще долго будет работать с ориентацией на результат при терпимом отношении к неправовым средствам его достижения.

Сегодня возникло несколько противоречий, связанных с уголовным судопроизводством. Первое. Привлечение к уголовной ответственности, осуждение все еще рассматривается в обществе как несчастный случай, однако уже окончательно ломает судьбу человека и его семьи. Человек еще не имеет нравственных стимулов к правомерному поведению, совершая противоправные деяния, рассчитывает, что ему повезет, а в случае невезения не раскаивается. Это неразрешимое противоречие, с одной стороны, порождает глухое недовольство пока безнравственного общества принимаемыми государством жесткими мерами, а с другой – еще не способно надежно обеспечить правомерное поведение ввиду отсутствия стимула к нему как к внутренней потребности.

Второе. Признание виновным в совершении преступления судом, равно как и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, существенно ограничивает возможности человека и его близких родственников в последующей жизни, однако в то же время система уголовного преследования еще продолжает характеризоваться легковесным отношением к праву в целом и процессуальной форме в частности. Отсюда следует, что вызванный уголовным преследованием излом судьбы человека нередко определяется результатом деятельности, слабо основанной на нормах права.

---

¹⁸ Речь, конечно, не идет о бесчеловечных преступлениях против жизни, здоровья, общественной безопасности, половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Здесь имеет место худшее проявление биологического, нередко недопустимое даже в животных стаях.

Диалектическое преодоление указанных противоречий возможно лишь в случае возрождения нравственности, многолетнего воспитания общества в духе соблюдения закона как к поведению, отвечающему, прежде всего, нормам нравственности.

Только когда совершать преступления станет стыдно, а привлечение к уголовной ответственности и осуждение за совершение преступного деяния будет рассматриваться обществом как закономерный и справедливый итог преступного поведения, а не как досадная случайность при условии выявления преступников и назначения им наказания в строгом соответствии с требованиями нравственно оправданной и надежной процессуальной формы, можно будет говорить о преодолении существования «вне права», в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Московский университет МВД России

Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, заместитель начальника управления организации профессиональной подготовки Департамента государственной службы и кадров МВД России

*E-mail: apobedkin71@mail.ru
Тел.: 8-910-942-22-51*

Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs

Pobedkin A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Procedure Department, Deputy Head of the Management Training Department of Public Service and Personnel of the Russian Ministry of Internal Affairs

*E-mail: apobedkin71@mail.ru
Tel.: 8-910-942-22-51*